

КОНЦЕПЦИЯ УНИВЕРСАЛИЗМА В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПОЛОЦКА И ПЕТЕРБУРГА

Сложившаяся в полоцком ареале в начале XVII в. церковно-певческая традиция оказала значительное влияние на русскую церковно-музыкальную культуру нового времени. Прослеживается глубинная, типологическая общность моделей культурного пространства Полоцка и Петербурга в XVII–XVIII вв., становление которых базировалось на идее универсализма, полиэтнической и многоконфессиональной структуры общества, укрепления славяно-греко-латинской идеи.

Ключевые слова:

богослужебно-певческие рукописи, Петербург, Полоцк, славяно-греко-латинская идея, церковно-музыкальная культура.

Благодаря своему географическому положению и историко-культурной ситуации, сложившейся в регионе, в XVII – нач. XIX вв. Полоцк находился в центре активных культурных, этнических и конфессиональных взаимодействий. Полоцкий культурный ареал, к которому примыкали также Витебск, Вильнюс, Смоленск, был полем непрестанных усилий сохранения чистоты Православия, теснимого здесь другими конфессиями. Социально-культурные тенденции, зародившиеся здесь, сыграли значительную роль в тех важных изменениях, которые произошли в российской культуре к концу XVII века, положив начало новому периоду истории церковной культуры – «петербургскому» или «синодальному». В настоящей статье выдвигается гипотеза о тесной взаимосвязи процессов становления церковно-музыкальной культуры Петербурга с полоцким ареалом, рассматриваются особенности их культурных контактов и взаимовлияний. Типологический и сравнительный подход в рассмотрении церковно-музыкального Полоцка и Петербурга в контексте движений европейкой культуры в целом может прояснить многие закономерности их развития.

Изучение церковно-музыкальной традиции Полоцка XVII – начала XIX века затруднено тем обстоятельством, что большинство рукописей и исторических документов, относящихся к этой теме, были рассредоточены по разным собраниям и во многом утрачены. Реконструкция облика полоцкого церковно-музыкальной традиции может быть вполне успешной при выявлении типологических черт, характеризующих весь культурный ареал Полоцка и определяющих специфику его музыкально-церковной жизни.

С начала XVIII в. Петербург начал строиться как полиэтническое и многоконфессиональное сообщество, в основании которого была положена идея универсализма, к тому времени уже получившая значительное распространение в полоцком регионе. Славяно-греко-латинская идея, нашедшая яркое воплощение в деятельности «сына Полоцкыка» [1] Франсиско Скорины, а затем активно продвигавшаяся Мелетием Смотрицким и Симеоном Полоцким, стала одним из стимулов трансформации системы приоритетов и ценностей музыкально-церковной культуры России с начала XVIII века, становлению новых форм и певческих стилей.

Идея универсальности имела политические и социально-психологические причины. Брестская уния 1596 г. оказала большое влияние на становление и развитие этой идеи, реализация которой растянулась на столетия.

Особенности белорусского церковного пения XVII–XIX вв. объясняются особым положением Православия, которое с XVI в. постоянно находилось здесь в противоборстве с другими конфессиями, прежде всего – с католичеством. В связи с особыми историческими условиями здесь была предпринята попытка создания униатской, греко-католической церкви, которая, сохраняя восточный обряд, следовала западному пути христианства.

В противостоянии христианских конфессий большое значение имело развитие систем образования. Католицизм, активизировавшийся после принятия Люблинской унии и создания Речи Посполитой (1569), сконцентрировал усилия на развитии своей системы образования (от школ до академий), книгопечатания,

* Публикация осуществлена при поддержке РГНФ, проект № 11-24-16002.

учреждении монастырей разных орденов, строительстве костелов. В бесплатных иезуитских школах, куда набирали детей из беднейших сословий, преподавали гуманитарные дисциплины, хоровое пение, обучали игре на органе и скрипке. Воспитанники школ обязаны были принимать участие в праздничных службах в костелах, играя в инструментальных капеллах. Большое значение в польской культуре имела деятельность Иезуитской Академии, которая была учреждена Стефаном Баторием в 1579 г. После первого раздела Польши (1772) эта территория была присоединена к Российской империи. Вскоре, в 1773 г. наступила ликвидация ордена иезуитов во всей Европе, но она не охватила иезуитские школы в Белой Руси, где они продолжили свою деятельность. Центр был в Полоцке, где представлял собой единственное высшее учебное заведение иезуитов в Европе. Начиная с 1780 года, центр посещали самые значительные деятели ликвидированного ордена, которые приезжали сюда со всей Европы. В 1812 г. Александр I возвел ее в ранг Академии. Привилегия была отменена в 1820 г., когда император приказал иезуитам немедленно покинуть Россию. Иезуиты создали в Полоцке культурную программу, реализованную, прежде всего на польском языке, активно использовался также латинский язык, который был языком дидактики и обряда. Сохранилось много рукописных и печатных свидетельств деятельности Академии, в том числе обширная документация царских ликвидаторов, подробно описывающих книжные собрания и рукописи. Книги и коллекции были изъяты и вывезены в Петербург и Москву, а в 1831 году в стенах академии было открыто Кадетское Училище (см. [17; 18]). При иезуитской Коллегии в Полоцке, также как при подобных заведениях в Вильне и Кракове существовала школа пения.

Большую роль в сближении восточной и западной музыки сыграл Иосафат, архиепископ Полоцкий (1580–1623), который был большим любителем музыки и сам был отличным певцом [8, с. 48]. Дьякон архиепископа Иосафата Дарахвий Лецикович (1600–1628) был известным певцом в хоре митрополита Игнция Пацея. По мнению А.Преображенского, «униаты проторили дорогу для латинского пения на наших клиросах» [4, с. 194]. Консервацию традиционных форм монодии в греко-католическом богослужении и появление многоголосия в храмах православных можно рассматривать как два различных

направления реализации славяно-греко-латинской идеи в церковно-музыкальной культуре.

Расширение культурной восприимчивости и достижение европейской учености, охватывающей весь круг церковнославянской, греческой и латинской культур, способной противостоять влиянию католицизма, было одним из таких путей, связанным с деятельностью православных братств в Полоцке, Витебске, Вильнюсе и др. городах. Братские школы были открыты в Слуцке, Новогрудке, Минске, Витебске, Мстиславле, Несвиже, Крычаве [2, с. 152]. Здесь активно практиковалось партесное пение.

Мелетий Смотрицкий в своих воспоминаниях упоминает партесное пение при богослужении в его время: «Когда я жил в монастыре в Вильне, мои верные из Белорусской Полоцкой епархии любили меня. Там каждое мое слово было законом. Если я входил в церковь или выходил из нее, всегда я был окружен сотнями людей. Когда я служил Литургию, пение было мастерским, на четыре хора» [5, с. 209]. Одним из активных поборников славяно-греко-латинской идеи и концепции универсализма был Симеон Полоцкий (1629–1680), православный монах, который, однако, по мнению многих исследователей был тайным униатом. На его духовную формацию решающее значение оказала система образования иезуитов: Киево-Могилянская академия, Виленская Академия и другие коллегии иезуитов [3, с. 362]. Благодаря этим школам он свободно владел польским и латинским языками, но «греческого же писания ничтоже мняше» [1, с. 71]. Симеон Полоцкий вел протоколы московских церковных соборов 1666–67 гг., записывая их латиницей на смеси церковнославянского и польского [2, с. 366] и умело замаскировывал в своих трудах заимствования из сочинений католических богословов.

Западноевропейская эрудированность и многоязычие, ориентированное на латинскую культуру, были характерной тенденцией людей его формации. В той же орбите противоборства восточного и западного христианства находился и деятель более раннего периода этой эпохи, Мелетий Смотрицкий (1577–1633), который на протяжении многих лет был активным поборником Православия, однако к концу жизни неожиданно для многих переходит в униатство.

В трудах этих церковных писателей, судьбы которых были непосредственно связаны с Полоцком и его культурным

ареалом, можно проследить развитие славяно-греко-латинской идеи, значительно повлиявшей затем также и на становление церковно-музыкального искусства петербургского периода русской истории. В условиях тесного контакта и противоборства различных христианских конфессий в этом регионе православная церковно-музыкальная традиция трансформировалась и видоизменялась, воспринимая характерное для этого культурного региона «многоязычие» и совмещая в богослужении партес (многоголосие западноевропейского типа) и монодию. В греко-католическом, униатском богослужении консервативный фактор был изначально заявлен как существеннейший: первоначально здесь было допущено только монодическое пение, маркирующее свою принадлежность к «греческому обряду». Однако рационализм и субъективизм, свойственные латинскому музыкальному мышлению, постепенно проникают в униатскую монодию «изнутри», трансформируя порождающие модели и изменяя основы музыкального языка. И первая, и вторая тенденция, характеризующая музыкальную культуру полоцкого ареала, оказались впоследствии синтезированы в церковно-певческой практике новой северной столицы.

В Петербурге было воспринято и развито многое из того, что зародилось на белорусских землях. С самого начала существования Петербурга белорусская культура была весьма востребована в новой столице, и это не случайно. Особенно тесны были связи с белорусской культурой в петербургской монашеской среде, поскольку Александр-Невский монастырь с момента своего основания пополнялся большей частью из юго-западных и северо-западных областей Российской Империи и из-за ее рубежа (так, в монастыре, например, было несколько греков). Исследование архивных документов позволило выявить целый ряд биографий таких людей.

В Александр-Невском монастыре при его образовании в начале 20-х гг. XVIII века сознательно формировалось полиэтническое сообщество, аналогичное многокомпонентной модели полоцкой культуры. Заложенная Феофаном Прокоповичем идея, сохранялась и в дальнейшем, вплоть до начала XIX века.

Материальным выражением процессов социально-культурной унификации, межконфессиональных и межэтнических взаимодействий, проявившихся в тенденциях певческой практики Полоцка и Петербурга, стали певческие рукописные книги.

Для нашего исследования особый интерес представляют рукописи из Полоцкой епархии, хранящиеся в собрании петербургской Певческой Капеллы в Российской Национальной библиотеке. Уникальна по своим художественным достоинствам еще одна певческая рукопись, хранящаяся в Рукописном собрании РНБ – это певческая книга, связанная с рукописной традицией Речи Посполитой, и отражающая в значительной мере основные тенденции искусства своего времени.

Православная церковно-певческая культура полоцкого региона находилась под влиянием различных инославных богослужбно-певческих культур: католическая и протестантская ориентировали на освоение многоголосия (хорального и полифонического), униатская поначалу опиралась исключительно на монодийное пение, являлась источником консервативных тенденций. Противостояние различных христианских конфессий на протяжении нескольких столетий определяло динамику и напряжение культурного развития полоцкого региона. «Внешняя» традиция скрытно проникает внутрь, маскируясь консерватизмом. При обязательном сохранении монодии в униатском богослужении принципы музыкального языка видоизменяются и рационализируются.

С начала XVII в. вместе с древним восточным богослужбным обрядом в униатских монастырях сохраняли традицию православного монодийного пения. Это было предметом особого внимания римской курии, издававшей документы, запрещавшие латинизацию греческого ритуала (Бреве папы Павла V 1615, и др.). При сопоставлении ранних и поздних Ирмологионов видно, что старый репертуар в целом сохранен, исключены и дописаны лишь некоторые напевы. Бережное отношение униатов к сохранению традиционного монодийного репертуара видно и по старопечатным нотным Львовским и Почаевским Ирмологионам (1700, 1709, 1766 и др.). Однако же постепенно в певческой практике униатов все больше и больше распространяются новые, нетрадиционные напевы (например, полиелей напева «мохнативского» или «литовского» в Старосамборском Ирмологии Иоанна Рижкевича [20]). С униатским богослужением, вероятно, связан «кравевский» или «езовицкий» напев, встречающийся в рукописях.

В униатских обителях богослужение с течением времени начинает испытывать сильное влияние музыкальной традиции римского обряда. Так, в Супрасльском

монастыре по указу митрополита К. Жаровского основывается инструментальная капелла, а в Жировицком установлен 80-регистровый орган. Начинает появляться и многоголосие, причем, вполне вероятно, что, традиция партесного пения в униатских храмах была заимствована ими у православных братств, уже много десятилетий практиковавших этот стиль пения. Однако в некоторых униатских монастырях продолжали твердо придерживаться монодии в церковном пении даже до самого конца XVIII в.

Известны имена писцов певческих рукописей, белорусских Ирмологионов: Иоакима Глядкевича «мещанчука Туриска» [14], Авраамия, иеромонаха Святодуховского мон-ря (в Вильно?) (1764); указанного только по инициалам П.Ш. диакона «Базилианского монастыря Литовской провинции» [3]; иеромонаха Иосифа Загоровского [2]; Порфирия Клюбовского, иеромонаха витебского базилианского монастыря (1795). В Полоцке трудились Ян Дзяковский и Ян Кокля (ок. 1657 г.) [11, с. 43–44]. Известны гармонизации псалмов Сымона Пятроускаго-Ситняновича из Полоцка (1629–1680)*.

В конце XVI – нач. XVII в. весьма активизировалась издательская деятельность братств. Они публиковали богослужебную литературу для чтения в храме, однако певческие книги до конца XVII в. существовали только в рукописях.

В XVII–XVIII вв. православная и униатская книжность развивались параллельно. Белорусские Ирмологионы обеих конфессий в целом сходны между собой. Различия выявляются в деталях (памяти святых, упоминания храмов). В книгах обеих конфессий содержится поминовение польских королей («королевская милость»). В греко-католических Ирмологионах изредка встречаются также здравницы священноначалию (например, архиепископу Рафаилу – Супрасльский Ирмологион, 1638–1639) и песнопения в память униатских святых. Отличительной чертой таких Ирмологионов являются латинские гимны в переводах, например, «Dies irae» («День гневу. От латинска языка на словенский преведен»).

Типом певческой книги, связанным с бытованием полоцкой церковно-музыкальной традиции, также как для культуры всего белорусского региона, был Ирмологион. Для него характерен особый репертуар, длительное сохранение раздельноречия, постановка знаков придыха-

ния и ударений. Черты архаики, наиболее присущие униатскому богослужению, проявились и в характере книги Ирмологион. В основе Ирмологионов XVII в. обычно лежит четырехчастная структура: 1) Обиход; 2) Октоих и Ирмологий (в виде единого осмогласника или разделенных циклов); 3) Подобны; 4) Стихирарь с ирмосами (минейный), Триодь и Обиход Постный, Праздники (этот раздел изложен в порядке дней церковного года). Для Ирмологионов кон. XVI – 1-й пол. XVII вв. характерна многосоставность и четкость структуры: они состоят из большего числа разделов, имеют дробное расположение разных жанровых групп; в отдельные группы выделяются ирмосы иррозники (ирмосы на предпраздствия Рождества и Богоявления); Октоих представлен разными циклами стихир, изложенными по типам (наподобие Октоиха изборного); обиходная часть в основном помещается между другими разделами сборника.

В основе репертуара Ирмологионов XVII в., как православных, так и униатских, лежат поздние редакции песнопений знаменного распева, составляющие циклы Октоиха, Ирмология, Триоди и Стихираря. Помимо напевов, в названиях которых отразилось их украинское происхождение, в Обиходе простым и постном, расположенном в начальной и последней частях Ирмологионов («болгарский», «грецкий», «подгорский», «киевский» (редко – «печерский»), «острожский», «простый», «русский» или «русскийпростый»), присутствуют и напевы белорусского происхождения (супрасльский, кутеинский, слущкий, купятицкий, могилёвский). Напевы «сторосионовский», «иверский» и «вяцкий» также связаны с белорусской традицией. Новые напевы создавались по заимствованным моделям каллофонического пения, византийского происхождения путем их адаптации к существующей певческой практике. Это, например, херувимская песнь с названием «Виленское» (Ирмологион вавилианского Жировицкого мон-ря, 1649) [5] или «херувиклитовский» (Ирмологион православного киевского Межигорского мон-ря, сер. XVII в.) [6], которые совпадают с известным болгарским напевом 5-го гласа, известного в Московской в записи крюковой нотацией. Известен и другой болгарский напев херувимской, адаптированный в белорусской певческой практике. Он обозначен в раннем белорусском Ирмологине (1-я пол. XVII в., переписчик иеромонах Иона) как «Херувик Болгарский: архиепископа полоцкого Иоасафа Кунце-

* См. работы М. Куликовича в рукописном собрании Музея Ф. Скорины в Лондоне.

вича» в Жировицком Ирмологионе 1649 г. тот же напев носит название «кремонецкий». В православные Ирмологионы часто включались острожские напевы. В униатских Ирмологионах очень редко встречаются развернутые песнопения «греческого роспева», но необходимые для службы краткие песнопения с греческими текстами (обычно на слова «Кириеелеисон») – их характерная черта. Греческие роспевы были адаптированы в униатской практике в сокращенном и упрощенном виде. Это, например «подгорская» и «случкая» херувимская (Жировицкий Ирмологион, 1649) [7], в которых в концентрированном виде сосредоточены наиболее яркие интонации греко-балканских песнопений.

Сложившаяся в полоцком ареале певческая традиция оказала значительное влияние на русскую церковно-музыкальную культуру нового времени. Первоначально она была воспринята в московских монастырях, особенно связанных с деятельностью патриарха Никона (Ново-иерусалимский истринский монастырь). Белорусские певчие, прибывшие по его призыву в Москву, знакомились здесь с традицией великорусского знаменного пения и за счет нее дополняли свой репертуар. Это отразилось в составе певческих книг, выполненных ими в столичном граде.

Так, в Ирмологионе иеромонаха Гавриила Аранесовича, «полочанина, постриженца Черниговского», есть напевы «белорусский», «кутеинский», «простый», «московский», «болгарский» (Савин Сторожевский мон-рь, 1673) [13]. Первый из датированных нотопеиных Ирмологионов, известных в Москве, был переписан свящ. Тимофеем Куликовичем в Белом Ковеле при братской ц. Рождества св. Иоанна Предтечи (Оршанское воеводство, 1652 г) [4]. В Ирмологионах, выполненных белорусами в Москве и затем Петербурге содержатся «киевский», «острожский», «московский», «смоленский», «печерский», «симоновский», «польский», «кутеинский», «болгарский», «греческий», «невский», «жукковский». Ярким примером восприятия белорусской певческой традиции в Петербурге являются рукописи РГБ. Ф.304 (I) № 454, 455, написанные иеродиаконом белорусского происхождения Лаврентием Хоцятовским, который был уставщиком придворного хора в 40-х гг. XVIII в., а в 1761 г. был определен архимандритом Троице-Сергиевой лавры [15, с. 160]. В них сконцентрированы влияния латинской, греческой и церковнославянской певческой традиции, являя собой образец воплощения концепции универсализма в музыкальной культуре.

Список литературы

- [1] БАН Литвы. – F-19-262, л.1 об.
- [2] БАН Литвы. – F. 22. 71, 1769.
- [3] ГИМ. Син. певч. № 512, сер. XVIII в.
- [4] ГИМ.Син. певч. № 1368.
- [5] НБУВ ИР. – Ф. 1. № 3367.
- [6] НБУВ ИР. – Софийск. 112/645.
- [7] НБУВ ИР. – Ф. 1. № 3367., л.14.
- [8] Остен. Памятники русской духовной письменности XVII века. – Казань: Университет, 1865. – 209 с.
- [9] Панков А.А. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. – Св. Троице-Сергиева лавра, 1900. – 152 с.
- [10] Панченко А.М. Симеон Полоцкий \ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Часть 3. – СПб., 1998. – 362 с.
- [11] Преображенский А. Латинская ересь в русском пении XVII в // Орфей. Сб. статей. Кн. I.– Петроград, 1922. – 194 с.
- [12] Разумовский Д.В. Церковное пение в России. В 3-х выпусках. – М., 1867–69.
- [13] РГБ.Ф. 205. № 248.
- [14] РНБ. Капелла. Q.15. 1687 г.
- [15] Чудинова И.А. Пение, звоны, ритуал: Топография церковно-музыкальной культуры Петербурга. – СПб.: Ut, 1994. – 208 с.
- [16] Cursus vitae et certamen martyrii V.Josaphat Kuncevicii Archiep. polocensis. – Paris, 1865. – 231 p.
- [17] Kaduńska I. Akademia Połocka. Ośrodek kultury na Kresach. 1812–1820. – Gdańsk, 2004. – 308 p.
- [18] Kochanowicz J. Jezuickie bursy muzyczne w Polsce i na Litwie w XVIII wieku, cz.4 // Słownik geograficzny z uickich burs muzycznych (Materiały). – Krakow 2002. – S. 180–185.
- [19] Likowski E. Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w 18 i 19 w. – Warszawa, 1906. – 277 s.
- [20] Warszawa. Biblioteka Narodowa. Akcesja. 2662, 1748.